

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В ПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА ПОСТНИКОВСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск (2) 30.
Шманько А. Іменні форми активних дієприкметників у предикативній структурі тексту Постниковського літописця; 13 с.; кількість бібліографічних джерел – 13; мова – російська.

Анотація. У статті “Іменні форми активних дієприкметників у предикативній структурі тексту Постниковського літописця” розглядаються особливості структури та функціонування коротких форм активних дієприкметників з точки зору їх співвідношення з нормами церковнослов’янської книжної традиції.

Ключові слова: коротка форма активних дієприкметників, апозитивні дієприкметники, дієприслівник, староруська мова, церковнослов’янська книжна норма.

Настоящая статья продолжает описание результатов проведённого нами комплексного исследования предикативной структуры текста Постниковского летописца (далее ПЛ) – памятника XVI в. [9, с. 8-30]. Она связана с нашим диссертационным исследованием предикативной структуры текстов старорусских летописей конца XVI – начала XVII вв. Нами уже изучены и описаны формы глаголов прошедших времён, представленные в тексте ПЛ (см. [13]), завершён анализ структурно-семантических особенностей всех глагольных форм, зафиксированных в данном памятнике (материал готовится к печати). Поскольку «летописи написаны на гибридном церковнославянском языке, в котором употребляются как книжные, так и некнижные элементы» [4, с. 54], обращение к материалу древнерусских летописей важно для решения проблемы соотношения этих элементов в процессе становления литературного языка на национальной основе. Цель данной статьи – показать своеобразие именных форм действительных причастий как компонентов предикативной структуры текста ПЛ. Такое направление исследования древнерусских памятников нам представляется актуальным, поскольку комбинации различных компонентов предикативной структуры конкретного текста являются надёжным материалом для выявления механизма разрушения старых традиций и формирования новых.

Известно, что основными выразителями предикативности в предложении являются формы наклонений глагола, однако предикативная функция, хотя и в меньшей степени, свойственна также именным формам, в частности действительным и стра-

дательным причастиям. В предикативной структуре текста ПЛ формы наклонений глаголов составляют 87% (1439 примеров), а причастий – 13% (223 примера), причём доля действительных причастий равна 9% (147 примеров), а страдательных – 4% (76 примеров). Но именно причастия, которые, по справедливому замечанию Б.А. Успенского, являются “наиболее книжной категорией” [12, с. 212], дают самые интересные комбинации ‘старого’ и ‘нового’ в предикативной структуре древнерусских текстов. С этой точки зрения наибольший интерес представляют именные формы действительных причастий. Употребляясь преимущественно в предикативной функции (для местоименных форм главной была атрибутивная функция), именные формы типа *слыша, выехав, будучи* утрачивали способность к согласованию с подлежащим в роде и числе, в результате чего формировалась новая грамматическая категория – деепричастия.

1.1. Со сферой предикации в тексте ПЛ связаны именные причастия прежде всего мужского рода. Форм среднего рода нами не зафиксировано, а женский род представлен всего 3 примерами. По формальным признакам именные причастия делятся на маркированные (с суффиксами *-ущ/-ащ-* и *-уч/-ач-*), и немаркированные (с другими суффиксами). Мы используем также признак «согласованные / несогласованные» словоформы, имея в виду согласование в числе. Данный признак, несмотря на его известную условность для текста XVI века, тем не менее, оказывается значимым как средство разграничения ‘старого’ и ‘нового’ в функционировании анализируемых словоформ.

Таблица 1. Количественное соотношение типов именных действительных причастий

Формы:		Согласованные		Всего:	Несогласованные		Всего:	Общий итог:
Суффиксы	Флексии	ед. число	мн. число		ед. число	мн. число		
1. Причастия с немаркированными суффиксами								
-а/-я	∅	21	—	21	—	5	5	26
-в-		39	—	39	—	13	13	52
-вш-	-е	—	2	2	—	—	—	2
-ш-	-е	—	2	2	—	—	—	2
	-и	—	—	—	—	1	1	1
∅	∅	16	—	16	—	3	3	19
Всего:		76	4	80	—	22	22	102
2. Причастия с маркированными суффиксами								
-ущ-/ -ащ-	-е	—	19	19	10	—	10	29
	-и	—	—	—	5	1	6	6
	-а	—	—	—	—	2	2	2
-уч-/ач-	-и	—	—	—	5	3	8	8
Всего:		—	19	19	20	6	26	45
Общий итог:		76	23	99	20	28	48	147

В таблиці 1 представлені результати кількісного аналізу іменних дійствительних причастий в предикативній функції з урахуванням суффіксів, які розділені на марковані та немарковані, закінчення та ознаки «згодованість / незгодованість». Як показує матеріал таблиці, в ПЛ переважають форми з немаркованими суффіксами – всього 102 одиниці, або 69% від загальної кількості аналізованих слівформ. Решта 45 слівформ (31%) – це причастія з старослов'янським за походженням суффіксом *-уц/-ац-* (37 одиниць) та з суффіксом *-уч/-ац-*, маркованим як розмовний (8 прикладів).

1.2. Серед немаркованих форм згодованих причастій, т.е. з'єднаних з формами ед. або мн. числа підлежачих і / або сказуваних, складають 78% (80 слівформ). Це переважно форми прошедшого часу з суффіксом *-в* та нульовим закінченням (спочатку суффікс *-въ* мав закінчення *-ъ*, втрачене після падіння редукованих [3, с. 70]). Наприклад: *А наводил их король Жидимонт* (ед. ч.), *преступив* (ед. ч.) *крестное целованье* [9, с. 11]*; *И князь* (ед. ч.) *велики взяв* (ед. ч.) *с цесарем братство и любовь и докончання и*, *почтив* (ед. ч.), *отпусти его марта в 7 день* [11] та ін. В цій підгрупі згодованих слівформ складають 75% (39 прикладів). Незгодованих причастій зафіксовано 13: *...казанцы* (мн. ч.) *<...> великого князя послов и гостей, переграбив* (ед. ч.), *у себя задръжали* (мн. ч.) [13]; *Людие* (мн. ч.) *же поразсудив* (ед. ч.) *и глаголаху* (мн. ч.) *в собе, яко быти в царстве применению некоему* [17].

В ряді випадків незгодовані причастія використовуються в неопределённо-личних пропозиціях: *И поновив* (ед. ч.) *святыя иконы, от многих лет сустаревшихся, и украсив* (ед. ч.) *их серебром и златом, отпустишия* (мн. ч.) *их в Володимер и проводихи* (мн. ч.) *их в 28 году* [13]. В подібних прикладах чіткіше проявляється перехід причастій в деепричастія.

В підгрупі причастій з формантом *-в* мають похідні від возвратних дієслів, втрачені тільки к XIX століттю: *И не унявся хотя тешишися* [18]; *И вы, брате, постоитте крепко, чтобы мой сын учинився на государстве государем* [21]; *И потом, пробудився, начат говорити* [21]; *И возбудився, аки от сна, и приим образ Екатерины великомученицы, и любезно приложился к ней...* [22-23]; *И стояли под городом пять недель, подкопывалися под стену под городовую. Да, подкопався, город сожгли...* [25].

Характерно, що більшість причастій з суффіксом *-в* мотивуються дієсловами повного виду – 50 прикладів з 54, т.е. в ПЛ чітко прослідковується тенденція до співвідносності виду та часу в слівформах причастій. В ряді випадків спостерігається використання причастій настоящего та прошедшого часу в одному контексті: *И ту [митрополит] молебны пев* (прош. вр.,

* В дужках вказується сторінка використовуваного нами видання тексту Постниковського літописця.

НСВ) *и обедню совершив* (прош. вр., СВ), *поидошиа во град, благодаряще* (наст. вр., НСВ) *бога и пречистую его мать* [13]. В наведеному прикладі одне причастіе прошедшого часу утворено від дієслова НСВ – *пев*. Причастія настоящего та прошедшого часу в даному реченні виражають різні часові значення: дія причастія настоящего часу відбувається одночасно з дією дієслова-сказуваного (*поидошиа – благодаряще*), причастія прошедшого часу позначають дії, передуючі дію дієслова-сказуваного (*пев – совершив – поидошиа*), т.е. категорія виду ще не є визначальною для часових значень причастій.

1.3. Древнерусське причастіе з суффіксом *-а/-я-* також мало нульового закінчення (Ø), відсутність якого як раз і вказувало на граматичне значення II п. ед. числа муж. роду. В тексті ПЛ зафіксовано 26 причастій з суффіксом *-а/-я-*, з яких 21 згодована з формами ед. ч. підлежачих і / або сказуваних, при цьому 16 слівформ мотивуються дієсловами НСВ (*наводя, видя, хотя, не дожидаяся*), а 10 – повного виду (*поговоря, приговоря, оставя, исправя*). Ср.: *...прииде посол* (ед. ч.) *от цесаря <...> моля* (ед. ч.) *и прося* (ед. ч.), *чтоб его для князь велики изволи приехати...* [12]; *И князь* (ед. ч.) *велики, приговоря* (ед. ч.) *з братьею и з бояры, проступку его ему отдал...* [9]; *Князь* (ед. ч.) *великий перед бояры рече митрополиту: “...всех руских чудотворцев молитвами и милостью, положи* (ед. ч.) *на них упованье, а у тебя у отца своего благословяся* (ед. ч.), *помыслил есми женитися”* [28]; *И казанцы* (мн. ч.) *не мога* (ед. ч.) *терпети тоя нужи и добишиа челом воеводам государьским...* [15]; *А против того великого князя послы* (мн. ч.) *<...> пошли на Литовскую землю с троючина дни и того же лета и пришли* (мн. ч.) *назад поздорову, исправя* (ед. ч.) *посольство* [27]. В наведених прикладах причастія мотивуються дієсловами як НСВ, так і СВ, але наявність / відсутність згодованості від видової належності мотивуючих дієслів не залежить: в 2-х останніх реченнях незгодовані причастія (*не мога, исправя*) мотивуються дієсловами різних видів. Аналогічно і згодовані причастія мотивуються дієсловами різних видів: *моля* і *прося* – НСВ, *приговоря, положи, благословяся* – СВ.

Характерно, що однотипні слівформи в близьких контекстах можуть співвідноситися і з єдиничним, і з множественним числом. Ср.: *А митрополит Макарей, а с ним протопоп и ключари* (мн. ч.) *<...> не мога* (ед. ч.) *огненнаго зноя терпети и дымной вони, да перешили* (мн. ч.) *<...> в тайник* [30]; *А ис тайника в полночь митрополит* (ед. ч.) *спустился* (ед. ч.) *на взруб по ужшишу, не измога* (ед. ч.) *огненнаго зженья терпети и дымной вони, да переехал* (ед. ч.) *за реку в великого князя сад* [30].

1.4. Причастій, рівних чистій основі, типу *шедъ, вземъ, приим, снемъ* в тексті ПЛ зафіксовано 19. Більшість з них (16 прикладів) співвідноситься з формами ед. ч. підлежачих і / або

сказуемых и входят в группу согласованных словоформ: *И тогда же князь* (ед. ч.) *великий тайно взем* (ед. ч.) *святыя дары и маслом свящалься* [20]; *Он* (ед. ч.) *же вста сам на ноги своя и приим* (ед. ч.) *честные дары честно и прослезися* <...> [20]; *Мисайло* (ед. ч.) *же пришед* (ед. ч.) *к нему и повеле ему принести платье черное* [22].

В 3-х случаях причастия с нулевым суффиксом сочетаются с формами мн. числа: *Они* (мн. ч.) *же шед* (ед. ч.) *в Казань, царя и всю землю на записех к шерти приведошия* (мн. ч.) [12]; *Стряпчия же и дети боярския* (мн. ч.) <...> *вышед* (ед. ч.) *вон, горко плакаху* (мн. ч.) *и рыдаху* (мн. ч.) [12].

1.5. Единичными примерами представлены причастия с суффиксами **-вш-** и **-ш-**: *И согласившися* (мн. ч.) *межу собою во Асторокани ногаи* (мн. ч.), *абие нападают на мучителя и убишия царя проклятого и сына его и прочих с ними крымских врагов...*[14]; *Лета 7028 князь велики Василей Иванович со отцем своим Варламом* (мн. ч.) *отпустишия и проводишия* (мн. ч.) *святыя иконы, что принесены бышия от Володимеря на Москву на обновление и украшение, яже многими леты обещавшия; и обновивше* (мн. ч.) *их, украсишия* (мн. ч.) *лепо серебром и золотом* [13]; *А после того в 9 день в среду... на преподобнаго отца нашего Федора Трихина, рекше Власенаго, на 11 часу дни загорися за Язую у Семюна святого* [29]; *А бояре* (мн. ч.) *великого князя, приведши к шерти всею землю Казанскую, пошли ис Казани июля в 1 день, на Кузьма-Демьянов день...*[27]. Словоформа *рекше* является вводным словом, т.е. она не связана с другими членами предложения, а *приведши* – новая форма, которую, на наш взгляд, можно квалифицировать как деепричастие.

Таким образом, 22 (22%) именных действительных причастия с немаркированными суффиксами мы квалифицируем как несогласованные. Несмотря на то что подобные случаи в количественном отношении далеко уступают примерам, сохраняющим согласование причастной формы с именем существительным, такое согласование, по мнению А.Г. Руднева, в большинстве случаев является ‘кажущимся’: ‘...не было периода в истории русской письменности, когда бы не было фактов если не согласования, то совпадения кратких форм действительного причастия с подлежащим в роде, падеже и, реже, числе’ [11, с. 43]. Употребление несогласованных форм в ряде случаев можно объяснить отсутствием четкого разграничения форм ед. и мн. числа, наблюдающегося в древнерусском языке. Ср.: *Князь же велики и митрополит благодарная хваления воздашия Христу богу и пречистой его матери. И поновив* (ед. ч.) *святыя иконы, от многих лет сустаревшихся, и украсив* (ед. ч.) *их серебром и золотом, отпустишия* (мн. ч.) *их в Володимер и проводишия* (мн. ч.) *их в 28 году* [13]; *...князь велики Иван и с сыном своим великим князем Васильем выехав* (ед. ч.) *с Москвы да был* (ед. ч.) *у Троицы в Сергиеве монастыре...* [8]. В 1-м предложении подлежащее *князь и митрополит* функционирует как форма мн. числа, чему в известной степе-

ни способствует соединительный союз **и**. Во 2-м предложении главным компонентом подлежащего является существительное *Иван*, а предложно-падежная форма *с сыном* может рассматриваться как дополнение, хотя имеются примеры, где подобные конструкции сочетаются со сказуемым во мн. числе. Ср.: *Лета 7013 князь велики Иван со отцем своим Симоном митрополитом и съ епископы обыскашия еретиков* <...> *и сожгошия их декабря в 27 день* [8]. В древнерусском синтаксисе подобные случаи обычно характерны для предикативных и детерминирующих членов предложения [5, с. 324].

2.1. Среди словоформ с маркированными суффиксами преобладают действительные причастия с формантом **-ущ/-ащ-**, составляющие 82% (37 примеров). Согласованными являются формы с окончанием **-е** (всего 19), которое и характеризует И. п. мн. ч.: *Они* (мн. ч.) *же бышия* *блиско Вильны, пленующе* (мн. ч.) *и жгуще* (мн. ч.) *и секуще* (мн. ч.) [9]; *И едва очютися, тешаще* (мн. ч.) *же ю митрополит и братия великого князя и бояре* (мн. ч.), *и поидошия от нее вси* [24]; *...бояре все, и весь народ* (мн. ч.) *плачущесея* (мн. ч.) *и рыдающе* (мн. ч.) *горько* [24] и др.

В 10 случаях анализируемые причастия соотносятся с формами ед. числа, например: *И потом конец его приближашесея, не нача* (ед. ч.) *языком изглаголывати, но просяще* (мн. ч.) *пострижения и емлюще* (мн. ч.) *простыню, начат* (ед. ч.) *целовати ея. И подносяще* (мн. ч.) *ему боярин его Михайло Юрьев* (ед. ч.), *он* (ед. ч.) *же не престаше* (ед. ч.) *творяще* (мн. ч.) *на лицы своем крестное знамение и зряще* (мн. ч.) *горе на правой, на образ пречистыя богородицы...* [23] и др. Характерно, что большинство причастий с суффиксом **-ущ/-ащ-**, в том числе и все несогласованные словоформы, зафиксированы в одном стилистически окрашенном контексте – при описании болезни и смерти великого князя Василия Ивановича. Это дает нам основание предполагать, что их использование в тексте имеет стилистическую мотивацию, которая в ряде случаев берет верх над грамматическими правилами [5, с. 322].

Только несогласованными формами представлены анализируемые причастия с флексией **-и** (всего 6), которая совпадает с флексией жен. рода. Ср.: *Бьющи* (ж. р., ед. ч.) *же ся великая княгини* (ж. р., ед. ч.) *и плачесе горько, слезы* (ж. р., мн. ч.) *же ея непрестанно текущи* (ж.р., ед. ч.) *от очию ея...* [22]. По мнению многих историков языка, распространение окончания **-и** вряд ли можно однозначно объяснить влиянием форм жен. рода ед. числа (*ставши, несущи, знаючи*), для которых в памятниках древнерусской письменности по сравнению с формами муж. рода характерна значительно меньшая частотность употребления. И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко экспансию формы на **-и** и её переход из системы изменяемых причастий в систему неизменяемых объясняют тем, что исторически эта форма связана не с ед. числом (жен. род), а со множественным (*текущи* как *плоди*). Её появление вызвано аналогией с формами других типов

склонения [8, с. 317, 313]. В.В. Колесов, напротив, считает, что формы муж. рода типа *рекъ, вземъ* сменились формами жен. рода *рекши, вземши* [7, с. 593]. Проиллюстрируем употребление флексии **-и** в словоформах муж. рода примерами из анализируемого текста: *А раны у него не прибаваше, токмо дух* (ед. ч.) *от нея тяжек идущи же из нея, не жив – смертный* [21]; *И приде князь* (ед. ч.) *великий <...> в свое село в Воробьево. И бысть* (ед. ч.) *в Воробьево два дни, от болезни зельныя стража* (ед. ч.) *и изнемогаючи* [19]; *Князь* (ед. ч.) *же великий вельми скорбяще* (мн. ч.) *и изнемогаючи, болезни своей не чюяше* (ед. ч.) [21]. Приведённые примеры интересны тем, что во 2-м предложении словоформа *изнемогаючи* дана рядом с причастием в форме ед. числа – *стража*, а в 3-м – рядом с причастием *скорбяще*, имеющим форму мн. числа. В следующем предложении словоформа на **-и** входит в состав усечённого (нет имени в дат. падеже) оборота дательный самостоятельный, в котором лексема в имен. падеже не употребляются: *И сидящим* (вм. *сидяцем*) *за столом з братом своим со князем Андреем Ивановичем изнемогаючи, и оттоле стола у него не бысть, но вкушаючи мало на постеле* [18]. Словоформа *вкушаючи* является главным членом односоставного предложения.

Таким образом, определение числа для словоформ с флексией **-и**, имеющих в нашем материале, вызывает определённые затруднения. Формального выражения категории рода здесь тоже нет. Следовательно, эти словоформы, на наш взгляд, уже можно квалифицировать как деепричастия.

2.2. Аналогичная картина наблюдается и в группе словоформ с восточнославянским по своему происхождению суффиксом **-уч/-ач-** (8 примеров), которые маркируются как разговорные. Они тоже соотносятся с подлежащим и /или сказуемым как в форме ед. числа (11 примеров), так и множественного: *И тогда посла стряпчего своего <...> по духовные грамоты и по свою, которую писал* (ед. ч.), *едучи в Новгород и во Псков <...>* [18]; *...а манасти не бысть, занеже бе* (ед. ч.) *спешачи, несучи выронили* (мн. ч.) [23]; *А в каптане у него были князь Дмитрий Иванович Шкурлятев да князь Дмитрий <...> того ради, что обращаху* (мн. ч.) *его, едучи* [19]. Анализируемые словоформы фиксируются в составе оборота дательный самостоятельный (*И еще же ему на путь едучи к Москве и призва к себе двоюцкокого <...>* [20]) и в безличных предложениях: *А из болячки мало гною изсякаючи верху же у нея нет...* [18]; *До села же того едучи, мало бысть потехи* [18]. В следующем примере со сказуемым в ед. числе соотносятся словоформы на **-ючи** и **-юще** (мн. ч.): *И начат* (ед. ч.) *говорити, из ыкосов словеса выбираючи, а иные словеса тихо в собе глаголати, и крестящися* (мн. ч.) *рече* (ед. ч.) [23]. Формы на **-и** также зафиксированы в стилистически окрашенном контексте. В нашем материале они соотносятся в основном с единственным числом.

В двух случаях в значении мн. числа употреблены маркированные формы с флексией **-а**: *А без-*

божнии татаровя (мн. ч.) *приидошия* (мн. ч.) *<...> посады на Рязани пожгошия, и ко граду приступающа, но град не взяша* [23]; *И понесошия его на крыльцо. А за ним грядуща с свещами и с кандилы, и поюще “Святый боже”* [24]. Возможно, флексия **-а** используется по аналогии с другими глагольными формами: *приидошия / пожгошия / приступающа / не взяша; понесошия / грядуща*.

Необходимо отметить довольно частое употребление в пределах одного синтаксического целого синонимичных разноаффиксных образований. Ср.: *Князь* (ед. ч.) *же великий вельми скорбяще* (мн. ч.) *и изнемогаючи, болезни же своей не чюяше* (ед. ч.) [21]; *И начат говорити* (ед. ч.), *из ыкосов словеса выбираючи, <...> и крестящися* (мн. ч.), *рече* (ед. ч.) [23] (окончания **-е /-и** в формах причастий при главных членах предложения в ед. числе) и др.

Таким образом, смешение временных значений, случаи нарушения согласования, использование образований с суффиксом **-уч/-ач** только с флексией **-и**, стилистические факторы – все это черты явного разрушения церковнославянской нормы употребления причастий, обусловленного прежде всего формированием в народно-разговорном языке категории деепричастий.

3.1. При определении связи краткого действительного причастия со сферой предикации первостепенное значение имеет его синтаксическая функция. Как указывалось выше, для именных форм основной была функция второстепенного сказуемого, т.е. «обозначения дополнительного второстепенного действия, характеризующего и дополняющего по смыслу действия, выраженное главным сказуемым предложения» [6, с. 108]. В подавляющем большинстве случаев такие аппозитивные причастия [10, с. 185] в ПЛ выступают в функции второстепенного сказуемого, обозначая при этом действие, сопутствующее главному: *... прииде посол* (ед. ч.) *от цесаря <...> моля* (ед. ч.) *и прося* (ед. ч.), *чтоб его для князь велики изволи приехати...* [12]; *...И прииде Азторокань одолев и возгордеся зело* [14]; и др. Значение сопутствующего, второстепенного действия субъекта, по мнению Г.А. Хабургаева, способствовало отрыву причастия от субъекта и формированию у него обстоятельственного значения, превращающего причастие в глагольного распространителя. Со временем это привело к функциональной соотносительности причастия с деепричастием [1, с. 352].

3.2. В анализируемом тексте ещё сохраняются следы древнерусского состояния, когда причастия могли обозначать не только второстепенное, но и основное действие: *Бояре же и вси людие плачуще и моляще бога о государе* [19]; *Тогда же пришедше* (мн. ч.) *братиа его <...> бояре все, и весь народ* (мн. ч.) *плачущися и рыдающе горько* [24]; *Иван Ляцкой оставя на Москве матерь и жену и дочь девичею* [24]. В приведённых предложениях глагольных сказуемых нет. Значение основного действия отчётливо проступает при наличии союзной связи между причастием и гла-

гольным сказуемым: *И послушиев то окаянный цар Магмед-Кирей и вскоре возвратися и з братьею своею. И тогда же князь велики взем святые дары и маслом свящался* [20]; *И тогда же митрополит взем братию великого князя Юрия и князя Андрея Ивановичев в переднюю избу и приведе их к крестному целованью...* [24].

3.3. Причастия могли употребляться как связка глагольного составного сказуемого: *И прииде к нему отец его духовной Алексий протопоп, хотя ему дары дати* [23]. В нашем материале имеется 6 таких примеров.

3.4. Предикативная функция именных форм действительных причастий отчетливо проявляется в составе оборота дательный самостоятельный: *Благоверному же нашему государю великому князю Василью зело оскорбившуся о бывшем <...> о беде всплакавшу и на дерзнутого и на презрителя клятв иных дружбы помянувши, на свидетеля бога поставив и своих людей крови отмщение ему на бога возложившу Скулфянина* [14]. Данное предложение перенасыщено причастиями: здесь можно выделить 3 оборота дательный самостоятельный (*князю Василью оскорбившуся, князю Василью всплакавшу, ему возложившу*), оборот двойной винительный (*дружбы помянувши*) и причастие *поставив* в функции основного сказуемого. Такие громоздкие конструкции свидетельствуют, с од-

ной стороны, об ориентации автора на книжную традицию, а с другой, – о недостаточном уровне владения этой традицией.

3.5. Предикативное значение причастий сохраняется и в обороте двойной винительный, хотя и менее отчетливо, чем в обороте дательный самостоятельный. Ср.: *Великая же княгини виде митрополита и бояр к себе грядущи и бысть яко мертва и лежа часа з два* [24]; *И стояши (стояше?) близ его Шигона и, как положили евангелие на грудех, и виде Шигона дух его отшедша аки дымец мал* [23].

Таким образом, на основе проведенного исследования именных форм действительных причастий, представленных в Постниковском летописце, можно сделать вывод о том, что эти причастия ещё входят в предикативную структуру анализируемого текста как активные компоненты данной структуры. Это свидетельствует о сохранении ориентации книжников XVI в. на церковнославянскую традицию, которая, однако, уже подвергалась постепенному разрушению, что проявляется в нарушении согласования причастий с субъектом действия (такие случаи составляют 22%), в появлении флексии *-и* у словоформ мужского рода с книжным суффиксом *-ущ/-ащ-*, в употреблении причастий на *-учи/-ючи*, которые можно квалифицировать как деепричастия, и т.д. Эти выводы мы планируем проверить на материале других летописей XVI – XVII вв.

Литература

1. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка / К. В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. – М.: Высшая школа, 1981. – 359 с.
2. Грамматика русского языка: в 2 т. Синтаксис / Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной. – М., 1954. – Т. 2, ч. 1, 703 с.
3. Джангобекова Т. Краткие действительные причастия в «Истории о великом князе московском» А. Курбского: структура и функции // Наукowy вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. – Ужгород. – 2008. – Вип. 18. – С. 69-74.
4. Живов В.М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания: Сборник статей / Под ред. К.В. Горшковой, Г.А. Хабургаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 49-98.
5. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под. ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. – М.: Наука, 1982. – 437 с.
6. Киянова О.Н. Язык памятников позднего русского летописания. Особенности грамматической нормы. Монография. – М.: РПА МЮ РФ, 2006. – 338 с.
7. Колесов В.В. История русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В.В. Колесов. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
8. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под. ред. Р.И. Аванесова и В.В. Иванова. – М.: Наука, 1982. – С. 366-411.
9. Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1978. – Т. 34, с. 8-30.
10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1958. – Тт. I – II, – 536 с.
11. Руднев А.Г. Синтаксис осложненного предложения / проф. А. Г. Руднев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 197 с.
12. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.) Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / Б. А. Успенский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 559 с.
13. Шманько А. Система прошедших времен глагола в Постниковском летописце: структура и значение // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства (Збірник наукових праць). Вип. 17: Мовознавство. – Ужгород: Говерла, 2012. – С. 85-89.

Андріана Шманько

**ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В ПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ
ТЕКСТА ПОСТНИКОВСКОГО ЛЕТОПИСЦА**

Аннотация. В статье “Именные формы действительных причастий в предикативной структуре текста Постниковского летописца” рассматриваются особенности структуры и функционирования кратких форм действительных причастий с точки зрения их соотношения с нормами церковнославянской книжной традиции.

Ключевые слова: краткая форма действительных причастий, аппозитивные причастия, деепричастие, старорусский язык, церковнославянская книжная норма.

Andriana Shmanko

**THE NOMINAL FORMS OF THE ACTIVE PARTICIPLES IN THE PREDICATE STRUCTURE OF
THE POSTNIROVSKYY CHRONICLER**

Summary. The article “The nominal forms of the active participles in the predicate structure of the text of the Postnykovskyy chronicler” deals with the peculiarities of the structure and functioning of the short forms of active participles in terms of their correlation to the norms of Church Slavonic literary tradition.

Key words: short form of active and passive participles, appositional participles, gerund, the Old Russian language, Church Slavonic literary norm.

*Стаття надійшла до редакції
2 квітня 2013 року*

Шманько Андріана Іванівна – аспірантка кафедри російської мови УжНУ.